

Алекс Мома

Введение в буквенный и числовой символизм гностического трактата «Марсан»

(Доклад на Конференции «Касталии» 2013 г.)

«Марсан» занимает почти весь X Кодекс найденной в Египте в 1945 году христианской гностической Библиотеки Наг-Хаммади. (Всего в этой Библиотеке 13 кодексов и 53 текста, причем некоторые из этих текстов повторяются в различных вариантах.) Этот, X Кодекс, сохранился, очевидно, лишь наполовину, хотя никто точно не знает, сколько страниц в нем вообще было. Кроме этого текста в Кодексе содержатся лишь фрагменты, совершенно не поддающиеся содержательному осмыслению ввиду их почти нулевой сохранности. Уже тот факт, что «Марсан» занимает Кодекс почти целиком (хотя многие из Кодексов Наг-Хаммади значительно толще и содержат по пять и более текстов), говорит о его значимости для гностиков.

Текст доступен на субхамимском диалекте коптского языка, а также в переводах на ряд европейских языков, в том числе на русский. Очевидно, что оригинал этого текста, как и всех остальных доступных нам коптских гностических текстов, был написан на греческом языке, но ни один греческий оригинал коптских переводов не сохранился.

Исследователи связывают наш трактат (наряду с двумя другими текстами из Наг-Хаммади – «Зострианом» и «Аллогеном» и отчасти с «Тремя стелами Сифа») с имевшим место в Гнозисе 2-4 вв. синтезом гностической, платонической (а также средне- и неоплатонической) и пифагорейской (и неопифагорейской) традиций. В самом деле, помимо отсылающей к пифагорейской традиции нумерологии, в тексте присутствует хотя и гностическая, но уходящая корнями в платонизм Троица – Отец, Мать и Дитя (причем в роли Матери выступает Барбело, сама по себе образующая божественный квартернарий; она также является небесным Спасителем, в каких-то текстах напрямую, а в каких-то опосредованно она посылает на землю Иисуса Христа, который, впрочем, говорит на земле об Отце, то есть о более высокой божественной ипостаси, нежели Барбело).

Кроме того, переводчик «Марсана» на английский язык, Биргер Пирсон (Birger A. Pearson), обращает внимание читателей на заимствование «Марсаном», как и рядом других гностических текстов, технических терминов платонической философии: например, «внетелесный» (asomatikon), «умопостигаемая» (noeton) область, «простой» (aplous) применительно к Божеству, «активность \ деятельность» (energeia) по привнесению Высшего начала в низшие миры, «самость» (tautotes), «различие» (eterotes) как свойство вещей, передаваемое миру сему, а также отличающееся от него сущностным образом «разделение» (merismos) как свойство низших сфер бытия. Кроме того, для автора «Марсана», как и для платоников, насколько можно судить по сохранный части текста, материя не является злым началом. Точно также и неоплатоник Ямвлих рассматривает нисхождение души в материю не как ее падение, а как возможность реализации ее демиургических функций (доктрина основана на платоновском диалоге о душе в «Тимее», 41a-42b).

Почему слово «демиургических» мы употребляем как в гностическом, так и в платоническом смысле в позитивном контексте? Дело в том, что, согласно анализу текстов из Наг-Хаммади, Демиург в них никогда не отождествлялся со «злым началом» и не приравнивался к протоархонту Иалдабаофу. Т.е. можно сказать, что гностическая концепция именно Демиурга скорее позитивна и «платонична». Более подробный анализ этой темы был проведен петербургским ученым и переводчиком гностических текстов Дм. Алексеевым в его докладе на конференции «Пути Гнозиса» в РГГУ 12 апреля с.г., который, надеюсь, будет в ближайшее время опубликован*.

Почему трактат носит именно такое название? Марсан – это имя одного из гностических пророков, встречающееся также в сохранившейся на коптском языке Книге Величий Отца (Текст б/н из Кодекса Брюса), о нем также говорит Епифаний Саламский (Кипрский, ум. 403 г.), называя его Марсианом, который был «вознесен на Небеса и через три дня спустился обратно».

Первые десять страниц текста относительно хорошо сохранены, и именно из них мы можем судить о его содержании в целом**. Это – апокалипсис, описание опыта вознесения и анализа различных уровней Небес, который также встречается в других коптских гностических текстах – в двух Книгах Иеу и в Pistis Sophia. Эти уровни «внутренних», духов-

ных Небес символически названы «Печатами», что терминологически перекликается также с одной из ранних нео-гностических традиций – с манихейством (см. текст Кефалайа, или Главы Учителя). В нашем тексте таких Печатей 13. Если идти сверху вниз, от 13-й к 1-й, то они таковы: Неизвестный Безмолвный; Незримый Дух; Троесильный Эон Барбело; [Глава] Силы, явившейся вначале; Мужской Разум, явившийся вначале; Самородный (Autogenes); Самородные (в т.ч. души людей); Покаяние; Четвертая Печать (область временного посмертного пребывания развоплощенных душ); Третья Печать (смешанная сфера космического и тонкоматериального). Вторая и Первая Печати уже имеют отношение к чувственному, видимому миру. Причем Третья, по всей видимости, относится к планетарным сферам, Вторая – к лунной сфере, Первая – к земной. Суммируя, мы можем сказать, что 13-11 Печати – надбытийные, 10-7 относятся к Эону Барбело, 6-3 – к душе, 2-1 – к чувственному и телесному восприятию.

Нас, однако, сегодня интересует та часть текста (стр. 24 – 42 Кодекса X), где речь идет о мистическом смысле цифр и букв алфавита и об их связи с человеческой душой, а также с именами богов и ангелов зодиакальных созвездий и иных Небесных Сфер. Часть описаний соответствий, к сожалению, в нашем тексте также не сохранилась. Поэтому имеет смысл подробно анализировать лишь ту часть трактата, которая сохранилась хорошо.

Так, говоря о зодиакальных созвездиях, автор трактата классифицирует знаки Зодиака по очертаниям различных животных, исходя из традиций греко-римской астрологии (многие из них полиморфны и поэтому не идентичны «земным зверям»). Звуки их имен подобны голосам самих этих животных, т.е. они или грубые, или мягкие. Более того, предполагается, что эти зодиакальные знаки можно уподобить буквам и звукам греческого алфавита, классифицированным как придыхательные и непридыхательные согласные. Очевидно, что бесплотные формы и души нуждаются в очертаниях и именах чувственного мира, поскольку они суть ангельские силы и образы трансцендентных форм, посредством которых люди могут постичь трансцендентную реальность (пребывая при этом в своем, чувственном мире) именно через числа и буквы алфавита: как гласит текст, «[это] распространение небесных форм и звуков вновь происходит в [земных] областях» (25.18-19).

В этом отношении текст строго последователен: сначала говорится о гласных буквах и звуках, символизирующих Первое и Второе Очертание Души (25.22b-26.17), затем – о тонах и ударениях (26.18-27a; общеизвестно, что греки «помешаны» на диакритике, которая, по сравнению с ними, у коптов не столь развита, так что переводчику-копту можно было только посочувствовать); далее – о согласных и их сочетаниях (26.27b-27.26a); следом – о звуковых сочетаниях (29.2b-30.2); о сочетаниях согласных звуков и слогах (30.3-32.5a); наконец, следует нумерология, или арифмология (32.5b-33.9? – здесь и прослеживается влияние неопифагорейства на наш текст, и даже влияние Филона Александрийского и Макробия Феодосия); затем трактат говорит о слогах и именах существительных (в магическом контексте – именах собственных, 33.10-35.20) и, наконец, собственно словам посвящены целых четыре страницы трактата (35.21-39.17).

Так, обсуждение образных очертаний зодиакальных знаков перерастает в длительное повествование об очертаниях души в связи с фонологией (с гласными, ударениями, согласными и дифтонгами, или двоезвучиями) и словообразованием греческого языка (комбинациями гласно-согласных звуков, слогов, пунктуаций, имен собственных и вообще слов), а также особенностями первых двенадцати чисел согласно Пифагорейской традиции (25.21b-39.17). Эти буквы (stoiheia) определенным образом символизируют не только очертания души, но и очертания небесных, ангельских сил и элементарных составляющих (тж. stoiheia) чувственного мира. Таким образом, на практике доказывается подобие низших и высших миров (что является, вообще говоря, типичным, например, для уже относительно поздней герметической философии, а не только для пифагорейцев и платоников), хотя и не их тождество. Гласные и согласные в тексте оценены в терминах их стабильной устойчивости (и потому превосходства над иными символами) как независимо, так и в различных сочетаниях (с использованием префиксов и суффиксов). Сами эти сочетания букв, а не рассуждения о них, приведены в сохранной части текста только в двух местах: 28.4-22 и 31.23 – 32.3).

В частности, отношения между пятью сферическими очертаниями души и определенными сочетаниями семи звуков, а также акцент, сделанный на их сходствах и различиях, позволяют предположить, что эти спекуляции каким-либо образом основаны на психогонии платоновского Тимея (35A – 36D). Созерцание этих своего рода матриц посвященными «Марсана» приводит не только их самих, но и элементы \ буквы мира чув-

ственного к раскрытию их сущности (29.7 и далее). В этом отношении человеческое знание и созерцание необходимы не только во имя спасения человеческих существ, но и во имя спасения существ нечеловеческих.

Непосредственно в ткань обсуждений такого рода вкраплены наставления посвященным гностикам о достижении самоконтроля, «стяжании неуничтожимого семени», освобождении от обладания чем-либо (26.12b-17), изживании греховности (27.21-22a), созерцании гностической доктрины освобождения (29.7-20a), а также речь об ипостасях высшего мира (36.21-37.2). С одной стороны, такое «знание соответствий», вроде бы, является чисто техническим, с другой же, как и в случае со схожими спекуляциями известного мага и нумеролога валентинианской школы раннехристианского гнозиса Марка (см.: Ириней, Нагг. 1.13-21), это техническое знание вполне коррелирует с религиозными представлениями автора «Марсана» и его аудитории: читатель обязан знать эти детали, касающиеся алфавита, «чтобы... отделиться от ангелов» (32.5). Такое знание в купе с умением правильно петть вокабулы, сформированное и сформулированное таким образом, и в самом деле могло сложиться в целостную технику, посредством которой практикующий мог бы вознестись к умопостигаемым областям в над-ангелических сферах Бытия.

В этой части наш трактат опирается на теургическую доктрину симпатических взаимосвязей между умопостигаемым и чувственным мирами, в которой решающую роль играет ритуал, осуществляемый посвященными гностиками. Так, на стр. 34-35 текста (34.20b-35.3) мы читаем, что «в чувственно воспринимаемом мире есть храм длиной в 700 локтей и река...» (700 локтей у греков и египтян – примерно 324 метра), а также о том, что определенные Печати, видимо, относятся к «облакам и водам, и формам восковых образов, и к ряду изумрудных образов». Уже одни эти строки предполагают наличие ритуальных действий с использованием воды, печатей, восковых образов и изумрудов – всего того, что использовалось магами и вполне могло также широко использоваться во 2-4 вв. в крещенском ритуале Пяти Печатей на одной из стадий гностического, а позже и манихейского Посвящений.

Столь длительное обсуждение свойств алфавита достигает своей кульминационной точки в порождении имен собственных и, особенно, в «обсуждении ипостасей», связы-

вающих воедино телесную и внетелесную реальности (36.15b-37.2). Так, бесконечные сочетания гласных и согласных звуков порождают множество имен для ангелов, открытое произнесение которых раскрывает их сокрытые доселе силы (37.28b-39.4).

Рассказ «Марсана» о свойствах и сочетаниях букв греческого алфавита завершается призывом к его читателям «стяжать силу» и «выносить [в себе] плод» (очевидно, духовный) и при этом не забывать о том, что не следует принижать значение таинств. По мысли автора текста, именно такое поведение человека ведет его к спасению, всякое же иное поведение является греховным.

На стр. 39-41 (39.18-41.3a) автор текста предостерегает следовать за теми, кто претендует на истину, используя ложные знания. Это замечание затем резюмируется в виде обращенного к читателям трактата предостережения от выбалтывания его слов недостойным и непосвященным с тем, чтобы последние не навредили своим душам (41.6-45.20). Ибо, по мысли автора, благодать нисходит на тех, кто лично вовлечен в созерцание Небес, а именно – внимание! – солнца, луны, семи планет, двенадцати знаков Зодиака, 10 степеней 36 деканов (итого, фактически, 360 степеней, 360 дней года античных греков), а также симпатической связи между этими небесными сущностями и сущностями земными и подземными, нумерологически сообщающимися с ними.

Чрезвычайно плохо сохранившаяся заключительная часть этого раздела нашего трактата увязывает небесные феномены, «[умопостигаемых ангелов]», населяющих наднебесную также умопостигаемую область Барбело, с душами. Как отмечает Биргер Пирсон (см. Лит., 2, Intro, p. 240), это позитивное выражение «космической» набожности, типичное для платонизма, очень значимо и для сифианского гностического трактата и является своего рода поставщиком аргументации для, хотя и очевидно гностических, но, в то же время, про-космических построений трех других текстов Библиотеки Наг-Хаммади – «Зостриана», «Аллогена» и «Трех Стел Сифа».

Примечания.

*Прим. 2014 г. Текст доклада Дм. Алексева опубликован, в частности, здесь: <http://thelema.ru/library/alekseev1>

**Автор отказался от озвученной им во время доклада идеи сделать письменную версию доклада расширенной по сравнению с тем, что реально было прочитано в 20-минутном докладе. Сделано это в силу того, что речь в нем идет только об одном тексте, «Марсан», при общедоступности перевода самого этого текста, сохраняя и при том интересующая нас часть которого и сама по себе не занимает много места:

<http://хрестос.com/biblioteka-tekstov/perevody/biblioteka-nag-hammadi/10-kodeks/marsan>

Литература.

(Первые два приведенных издания позволяют увидеть, как выглядят коптские сочетания букв на стр. 28.4-22 и 31.23 – 32.3 Кодекса X Наг-Хаммади; книги доступны в Google Books.)

1. Funk W.-P., Poirier P.-H., Turner J.D. Marsanes [Nag Hammadi X] (Bibliothèque copte de Nag Hammadi, "Section Textes" 27). Louvain – Paris, 2000.
2. Nag Hammadi Codices IX and X / Contributors: Birger A. Pearson and Søren Giversen. Volume editor: Birger A. Pearson. (Nag Hammadi Studies, 15). Leiden: E.J. Brill, 1981.
3. Pearson Birger A. Gnosticism as Platonism: With Special Reference to Marsanes (NHC 10,1) // The Harvard Theological Review, Vol. 77, No. 1 (Jan., 1984).
4. Pearson Birger A. The Tractate Marsanes (NHC X) and the Platonic Tradition // Gnosis: Festschrift für Hans Jonas (ed. B. Aland). Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1978.
5. Turner, John D. Visionary Ascent and Auditory Revelation in the Platonizing Sethian Treatises (Zostrianos, Three Steles of Seth, Allogenes, and Marsanes) // American Academy of Religion / Society of Biblical Literature 1997.
6. Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в поздней античности / М.С. Петрова. Комментарий на "Сон Сципиона" книга I, глава 1-4,8-14 и 17, книга II, главы 12-13 и 17 (текст и перевод). – М.: Кругъ, 2007.